

Самарский АРХИВ

В этом году исполнилось 95 лет со дня рождения Артема Веселого. Звоню в Москву дочери писателя:

— Алло, здравствуй! Зайра Артемовна Веселая? Это Самара, литературный музей. Хотим сегодня услышать ваш голос...

— Спасибо. Я очень тронута. Об отце сейчас никто не помнит. Артем нынче не в моде...

Сентиментально старомодны провинциальные музеи. Нет у них сенсационных сообщений о появлении очередного наследника русского престола из царской династии дома Романовых, не распродают с молотка экспонаты какой-нибудь очередной всемирной выставки, даже дополнителными жареными фактами на тему «Горький (Есенин, Маяковский...): смерть или убийство?!» не располагаем. Тихо, по-домашнему встретили и живописном селе Ширяево 120-летний юбилей Н. Е. Репина сотрудники Самарского художественного музея, в канун 170-летия с любовью рассказали об удивительном человеке, бывшем самарском городском голове П. В. Алабине в стенах краеведческого музея, невеселую историю об Артеме Веселом вспомнили на исходе сентября в музее литературном.

Родился Николай Кочуров (настоящая фамилия писателя) в Самаре в семье крочника, здесь же окончил училище имени Тургенева, работал на Трубочном заводе, в марте 1917-го вступил в партию. Типичная судьба для «бойца коммунистической дружины»: воевал, был ранен, сотрудничал в самарских городских и губернских газетах, снова воевал. Прошел через «Рени огненные» — так называлась и первая книга Артема Веселого, вышедшая в Москве. После демобилизации он поступил в Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова. «Коммунистом-максималистом, силовым как ни стран-

но, и анархия» представлялся многим тогда Веселый. Существует даже легенда о том, будто на вопрос своего мэтра В. Я. Брюсова, почему он так мало читает, Артем ответил: «Я пришел сюда учиться писать, а не читать». Но именно этот дерзкий «анархист» был в это время полон творческого нетерпения и труда. «Работаю, как черт. Не выхожу из библиотеки. Читаю о прошлом, чтобы осознать лучше сегодняшнюю действительность».

Результатом этой работы ума и сердца стала роковая в жизни писателя книга с жутким названием «Россия, кровью умытая». Издав роман отдельной книгой в 1930 г., он задумал написать еще несколько глав, но жирную, черную точку в его работе поставила вышедшая 17 мая 1937 года в газете «Комсомольская правда» статья Р. Шлунта «Клеветническая книга». 20 октября 1937 года Артем Веселый был арестован. 8 апреля 1938 года — расстрелян.

Дерево было срублено, но работы по «выкорчевке» продолжались. Трагедия одного человека обернулась трагедией для всей семьи. В начале сорок восьмого года арестовали жену Артема (поводом послужил неосторожный совет, который она, медсестра, дала пациенту: «Постарайтесь достать американский пенициллин — он гораздо лучше нашего»...).

Гайра и Зайра — две дочери писателя — были арестованы в начале 1949 года. Старшая — Гайра проходила подпринтику в школе и на уроке истории сказала, что в 1905 г. остальные слои населения принимали участие в еврейских погромах. Это расценили как клевету на русский народ и исключили ее из комсомола. Судьба дочерей «врагов народа» предопределена... «Не волнуйся, мамочка, у нас все благополучно, долго не писали, потому что сидели в тюрьме, но теперь нас выпустили. Гайру отправили в ссылку в Казахстан, меня — в Сибирь...». Не дай Бог ни одной матери получить такое письмо! Все они проплыли по одной реке, только в разных лодках — люди с такой замечательной фамилией Веселые.

Четыре года назад в издательстве «Московский рабочий» вышли воспоминания Зайры Артемовны Веселой «7-35» (это номера статей Уголовного кодекса, по которым она была арестована и сослана). Удивительная по своей тональности книга, рассказывающая о времени репрессий 30—40-х годов. Никакого надрыва, ни слова проклятий, ожесточенности, парадоксально легкая и светлая. Так воспринимала происходившее 20-летняя студентка Зайра Веселая.

Мы хотим, чтобы в год памяти писателя Артема Веселого прозвучал именно ее голос, на правах кровного родства.

НЕВЕСЕЛАЯ ИСТОРИЯ ОБ АРТЕМЕ ВЕСЕЛОМ

Новый 1937-й — год встречали на даче в Переделькине.

Самая встреча Нового года мне не запомнилась, возможно, я ее просто проспала. Пауэр мы с отцом пошли погулять по Переделькину. У плотины он нас сфотографировал.

Не берусь гадать, о чем думал отец в первый день тридцать седьмого года, но то, что он предвидел свой трагический конец, несомненно: уже вовсю шли аресты.

Летом, когда сестры с отцом вернулись из очередного путешествия по Волге, они рассказали, что в отличие от предыдущих поездок отец избегал посещать большие города, а под охраняемыми мостами проплывал. «Пристрелившись к плотам: все это ни о чем, что, если его арестуют, дочери останутся одни вдали от дома».

Отец предвидел арест —

и готовился к нему. Часть своего архива он отвез на Покровку, видимо, полагая, что его стариков и брата, работавшего грузчиком, не тронут.

Дедушка умер во время войны, бабушка — в сорок восьмом году. На Покровке остались младший брат отца Василий Иванович Кочуров с женой Клавдией Алексеевной. Никто, кроме них, не знал о существовании архива: хранение бумаг осужденного врага народа считалось криминалом. Архив, уложенный в плетеную из ивовых прутьев бельевую корзину, был спрятан... под кроватью.

Люди, далекие от литературы — грузчик и работница столовой, — Василий Иванович и Клавдия Алексеевна не только по-родственному любили Артема, они безгранично уважали его труд и верили, что спрятанные бумаги пригодятся, ког-

да он вернется из заключения. Они сохранили ценнейшие материалы: рукописи, документы, письма, фотографии, прижизненные издания произведений Артема Веселого.

В конце октября отца арестовали. Долгие годы не знали мы о судьбе отца: в справочной на Кузнецком, 24 на наши регулярные запросы отвечали одно и то же в краткой стереотипной формулировке: «Жив, работает, осужден на 10 лет без права переписки», повторили это, не вдаваясь в объяснения.

Я была уверена, что отец не враг народа, читала и любила его книги, но, вопреки предположениям следователя, у меня — ни сразу после ареста отца, ни в дальнейшем — не возникло враждебности не только к советской власти, но даже к органам НКВД: в детстве усвоила бывшую тогда в боль-

шом ходу поговорку «Лес рубят — щепки летят». И не было сомнений в том, что лес рубить необходимо: с октябрского возраста знала и про капиталистическое окружение, и про обострение классового боя, и волнением в груди читала со сцены на школьных утренниках стихи Михалкова про пионеров, которые поймали шпиона и диверсанта. Шпионов и диверсантов надо ловить и сажать в тюрьму. А моего папу посадили по ошибке: лес рубят...

Еще и теперь случается иной раз слышать разговоры, что при Сталине, мол, было больше порядка, или что были лучше продукты, или что была дешевле водка. В таких случаях мне всегда вспоминаются слова Некрасова: «Была капля великая, да не на вашу плешь...» Елена КОТЕЛЬНИКОВА. Сотрудник Самарского литературного музея.